

УДК 93(075.5)

Семейное окружение и полководческий авторитет в Древнем Риме (эпоха становления системы принципата)

Телепень С.В.

Учреждение образования «Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина», Мозырь

Результаты исследования, представленные в настоящей статье, основываются на анализе сочинений античных авторов. Наличный нарративный материал, составляя основную часть необходимых для изучения данной темы источников, позволяет установить такие тенденции социокультурного характера, как влияние семейного окружения на функционирование институтов римского армейского социума. Являясь объектом исследования, данный социум рассматривается в аспекте полководческого авторитета, во многом зависевшего от участия в командирских делах семейного окружения полководца.

В статье делается вывод, что при всей несомненной обусловленности полководческого авторитета успешностью действий военачальника в качестве командира и при всей значимости его аристократического статуса, роль семейного окружения полководца нельзя недооценивать: источниковый материал наглядно свидетельствует о прямой зависимости этого авторитета от результативного участия в командирских делах семейного окружения полководца.

Ключевые слова: Древний Рим, римская армия, полководческий авторитет, аристократический статус, социокультурный контекст, семейное окружение, *disciplina militaris*.

(Ученые записки. – 2014. – Том 17. – С. 16–22)

Family Environment and Commander Authority in Ancient Rome (the Epoch of the Principate System Formation)

Telepen S.V.

Educational establishment “Mozyr State Pedagogical I.P. Shamyakin University”, Mzyr

The findings of the research presented in the article, are based on the analysis of compositions of antique authors. The narrative material, which contains the basic part of sources necessary for studying the given topic, allows to establish tendencies of sociocultural character such as influences of the family environment on the functioning of institutes of the Roman Army society. Being object of the research, the given society is considered in the aspect of commander authority, in many respects depending on influence from the family environment of the commander.

Conclusion is made that at all doubtless conditionality of commander authority by the success of the military leader as the commander and at all importance of its aristocratic status, the role of the family environment of the commander cannot be underestimated: the sources visually testify to direct dependence of this authority on the productive participation in commander affairs of the family environment of the military leader.

Key words: Ancient Rome, the Roman Army, commander authority, the aristocratic status, sociocultural context, family environment, *disciplina militaris*.

(Scientific notes. – 2014. – Vol. 17. – P. 16–22)

Адрес для корреспонденции: e-mail: telepen_serg@tut.by – С.В. Телепень

В отечественной науке не столь много работ, специально посвященных изучению такого специфического явления, как семейное окружение представителей римского армейского социума [1–2]. Причем работы эти посвящены главным образом проблеме реального функционирования данного института, а его анализ осуществляется в основном вне широкого социокультурного контекста. В настоящей статье мы сосредоточимся на вопросе о влиянии данного окружения на полководческий авторитет в Древнем Риме в связи с традиционным римским пониманием военной дисциплины (*disciplina militaris*). Изучение же различных аспектов римской *disciplina*, как справедливо отмечает ведущий российский специалист в области римских военных традиций А.В. Махлаюк, неотделимо от исследования «римской идентичности» [3].

Целью нашего исследования является установление характера влияния семейного окружения римских командиров на дела военного командования и прежде всего – на полководческий авторитет.

Материал и методы. Результаты исследования основываются на анализе сочинений античных авторов. Наличный нарративный материал (сочинения Тацита, Ливия, Валерия Максима, Светония, Полибия и др.) содержит основную часть необходимых для изучения данной темы источников, позволяя установить тенденции социокультурного характера, в частности – влияние семейного окружения на функционирование институтов римского армейского социума. Являясь объектом нашего исследования, данный социум, таким образом, рассматривается в аспекте полководческого авторитета, во многом зависевшего от влияния со стороны семейного окружения полководца.

Результаты и их обсуждение. Как известно, основной массе римских воинов со времен императора Августа и вплоть до 197 г. было запрещено вступать в брак. Наиболее распространенным в науке объяснением запретов на солдатские браки является мысль о том, что отсутствие у солдат семей обеспечивало необходимую мобильность армии [4–5]. Такое объяснение предполагает, что практические соображения в данном вопросе играли главную роль, а это довольно спорно. Р.Е. Смит замечает, что после того как армия получила постоянные места дислокации (эпоха Принципата), не осталось уже практических причин сохранять запрет на солдатские браки. Ученый объясняет сохранение запрета «инер-

цией» сознания римлян [6]. То есть сохранение запрета на солдатские браки отражает глубоко укоренившиеся представления о природе *disciplina militaris*.

Что же касается римских офицеров, то они продолжали призываться на службу лишь на время и, таким образом, запрет на браки по отношению к ним не был применим [7]. Офицерам из всаднического сословия и прежде было разрешено жениться. Брак сам по себе не был проблемой для представителей правящего слоя во время их военной службы. Однако проблема семейно-брачных отношений все-таки со временем становится актуальной и для командиров, причем именно в период Принципата. Причиной здесь было, во-первых, изменение в это время отношения к военной службе, приобретшей характер профессиональной деятельности и сосредотачивавшейся теперь в постоянных легионных лагерях, что вело к упрочению связей между полководцем и его войском, и, во-вторых, увеличение при Августе и Тиберии продолжительности службы провинциальных командиров (Tac. Ann. I. 80).

Более ранняя традиция предписывала оставлять жену (но не сыновей) дома, причем не только на время военной службы, но и вообще на время исполнения дипломатических или наместнических обязанностей, как это было у Цицерона и его жены Теренции, когда тот был наместником в Киликии (Cic. Ad Fam. III. 12. 2). Но переход от Республики к Империи изменил ситуацию, и упоминания о взятии старшими офицерами семей (с собой к войскам) становятся намного более частыми примерно со времени Цезаря и далее продолжают до эпохи Принципата. М.-Т. Рипсе-Шарле приводит 92 случая, когда жены или дочери сопровождали мужчин сенаторского ранга, направлявшихся в провинции [8].

Ко времени Августа присутствие в лагере жен командиров высшего ранга стало столь распространенным, что побудило Светония выдвинуть на первый план среди мероприятий Августа по восстановлению дисциплины именно ограничение императором такой практики: *Disciplinam severissime rexit: ne legatorum quidem cuiquam, nisi gravate hibernisque demum mensibus, permisit uxorem intervisere* (Suet. Aug. 24.1) – «Дисциплину он поддерживал с величайшей строгостью. Даже своим легатам он позволял свидания с женами только в зимнее время, да и то с большой неохотой» (пер. М.Л. Гаспарова).

Тем не менее, сам Август, должно быть, ослабил бдительность к концу своего правления: многие его офицеры помимо Германика брали с собой свои семьи в военный лагерь в Германию, и будущий император Калигула, как полагали, был рожден *in castris* (Тас. Анн. I.40.4, 41.3). Правда, А. Маршалл считает, что до 21 г. н.э. провинциальные наместники, не происходившие из семейства Юлиев-Клавдиев, не пользовались правом брать с собой в провинции жен, но пассажи, приводимые им же, показывают, что в целом здесь имел место либеральный подход [9].

Но, сопротивление этой тенденции в наиболее консервативных кругах римской аристократии сохранялось. Тацит сообщает о разгоревшемся в римском сенате в 21 г. н.э. споре о допустимости присутствия семей командиров в военном лагере: *Severus Caecina censuit ne quem magistratum cui provincia obvenisset uxor comitaretur* (Тас. Анн. III. 33. 1) – «Цецина Север предложил воспретить уезжающим в провинцию магистратам брать с собой жен» (пер. А.С. Бобовича).

Тацит представляет ситуацию так, как будто Цецина использовал момент, чтобы закрепить постоянные правила поведения для полководцев и наместников. В ходе разгоревшейся в сенате дискуссии сенатор Валерий привел доводы против предложения Цецины, полагая, что присутствие жены было бы облегчением, а не помехой управлению, и Друз, оканчивая дебаты, приводит в поддержку мнения Валерия примеры Ливии (жены императора Августа) и своей собственной жены. Предложение Цецины изображено Тацитом как непопулярное, поддержанное всего несколькими сенаторами: *Paucorum haec adsensu audita: plures obturbabant* (Тас. Анн. III. 34) – «Лишь немногие слушали эту речь с одобрением: большинство перебывало ее» (пер. А.С. Бобовича). Валериева речь представляет семейное окружение полководца как благо, но не имеющее отношения к военным делам. Действительно, присутствие женщин-аристократок, постепенно берущих на себя роль *duces feminae* («женщин-вождей») в военном лагере, беспокоило многих в это время, как, впрочем, и в более позднее (Juv. 6. 398, 8. 128; Mart. 2. 56).

Тацит, когда реконструирует речь Цецины, вероятно подразумевает негативный пример Фульвии, жены Марка Антония, и Планцины, также «прославившейся» в качестве злого гения своего мужа-наместника провинции [10]. Фульвия была первой римской женщиной, кто

принял на себя активную роль в командовании, за что она подверглась суровому осуждению. Правда, еще раньше в схожей роли выступила жена Суллы Цецилия Метелла, которая сопровождала своего мужа в 86 г. до н.э. в Афины [11].

Сильный характер и амбиции Фульвии делали ее для своего времени исключительным явлением – как жена Антония она принимала активное участие в его карьере, за что подвергалась критике (Cic. Phil. 5. 22, 13. 18). Роль Фульвии сильно приукрашена пропагандой Октавиана [12]. Но во всяком случае она взяла на себя совместное командование с братом Антония Луцием в Перузийской кампании 41 г. до н.э., что и сделало ее объектом нападок со стороны политических оппонентов. Октавиан написал о ней оскорбительный и весьма непристойный стишок, упоминаемый Марциалом (Mart. 11. 20. 3) (ср. Plut. Ant. 10.5). Данная пропаганда свидетельствует о сильной в то время негативной реакции в массах на роль Фульвии в этой войне, что подтверждается также обнаруженными в районе Перузии пулями от пращи, надписанными оскорблениями в адрес жены Антония (CIL. XI. 6721).

Присутствие Фульвии вредило армии антонийцев не только потому, что она оказалась в окружении мужчин, но еще и потому, что ее участие в военном командовании делало женщину как бы не соответствующей своему гендеру. Это демонстрируется описанием Веллея Патеркула Фульвии: *Fulvia, nihil muliebre praeter corpus gerens* (Vell. Pat. II. 72. 2) – «Фульвия, в которой не было ничего женского, кроме тела» (пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой), когда она командовала силами Антония. Здесь напрашивается параллель со словами Валерия Максима, который пишет о Мезии, женщине, которая держала речь в суде в свою защиту сама, что она была прозвана *Androgine: quia sub specie feminae virile animum gerebat* (Val. Max. VIII. 3. 1) – «Андрогиной (из греч. «мужеродная». – С.Т.), которая под обликом женщины имела душу мужчины» (перевод наш. – С.Т.). В свою очередь отметим, что ораторское искусство, применявшееся в суде, часто характеризовалось римлянами в военных терминах: это была «боевая ситуация» в гражданском окружении. Так, у Полибия Сципион Эмилиан определяет себя в качестве ἡσυχίος – «мирного», поскольку он не выступает в судах (Polyb.

XXXI.
23. 11).

Участие Фульвии в обеспечении римской воинской дисциплины ведет к логической инверсии в отношении солдат. Однако с установлением монархической власти, т.е. в эпоху Принципата, ситуация усложнилась, так как теперь присутствие в лагере *duces feminae* означало не столько ослабление *disciplina militaris*, сколько переориентацию ее с личности императора на семью и личность императорского полководца. Это видится в случаях с женой Германика, племянника и приемного сына императора Тиберия, Агриппиной и Планциной, женой наместника Сирии Гнея Пизона. Реакция императора Тиберия на действия Агриппины в основном провоцировалась стремлением Германика и его семьи увеличить свою популярность среди солдат. Об Агриппине Тацит сообщает: *potiorem iam apud exercitus Agrippinam quam legatos, quam duces; compressam a muliere seditionem, cui nomen principis obsistere non qui verit* (Тас. Ann. I. 69) – «Агриппина среди войска могущественнее, чем легаты, чем полководцы: эта женщина подавила мятеж, против которого было бессильно имя самого принцепса» (пер. А.С. Бобовича). О Планцине же он пишет: *Plancia se intra decora feminis tenebat, sed exercitio equitum, decursibus cohortium interesse..., quibusdam etiam bonorum militum ad mala obsequia promptis* (Тас. Ann. II. 55) – «Планцина не держалась в границах того, что прилично для женщин, но присутствовала на учениях всадников, на занятиях когорт..., причем кое-кто даже из добропорядочных воинов изъявлял готовность служить ей в ее кознях» (пер. А.С. Бобовича).

В контексте вышесказанного вопрос, поднятый в сенате Цециной, знаменует поворотный момент. Римские женщины высокого ранга начали появляться в лагере, но не в том качестве, в каком женщины здесь появлялись в более ранний период: этих женщин-аристократок уже нельзя было просто изгнать как *scorta*. Цецина изображает в своей речи худший тип жены наместника – тот, который характеризуется активным участием такой жены в военных делах мужа. Тон Цецины подразумевает, что присутствие женщины является нарушением правил поведения пола: *non imbecillum tantum et impari laboribus sexum sed, si licentia adsit, saevum, ambitiosum, potestatis avidum; incedere inter milites, habere ad manum centuriones* (Тас. Ann. III. 33. 3) – «этот пол не только слабосилен и не способен

к перенесению трудностей, но если дать ему волю, то и жесток, тщеславен и жаден до власти; они выступают перед воинами, приближают к рукам центурионов» (пер. А.С. Бобовича).

В дебатах Цецины – Валерия, как это изображает Тацит, имеет место обращение к той же теме, к которой обращается Ливий, когда сообщает об обсуждении *Lex Oppia*. Однако имеются и существенные различия в акцентах данных сообщений Тацита и, соответственно, Ливия: обсуждение *Lex Oppia* было сконцентрировано на вопросе о внутрисемейных делах, т.е. на вопросе об опасности выхода женщин из-под власти мужей, что создавало угрозу для нормального функционирования общества в целом, поскольку вело к снятию ограничений на семейные расходы, в частности – приобретение предметов роскоши. Женщины здесь не представлены еще в качестве переместившихся за пределы мира семьи, хотя они фактически поднимали вопрос о их месте в семье, участвуя в политическом протесте: *matronae nulla nec auctoritate nec uerecundia nec imperio uirorum contineri limine poterant* (Liv. XXXIV. 1. 5) – «женщин же не могли удержать дома ни увещания старших, ни помышления о приличиях, ни власть мужа» (пер. Г.С. Кнабе) (Ср. Liv. XXXIV. 2. 9).

Но спор Цецины с его оппонентами в сенате по сути затрагивает вопрос о более высокой степени свободы аристократок и шире – других членов семьи полководца: вместо того чтобы претендовать на авторитет в семье, женщины начали узурпировать власть в военном лагере, принимая непосредственное участие в управлении военными делами, чем особенно возмущается тацитов Цецина. Если жена военачальника будет сопровождать мужа к его войскам, то она, согласно Цецине, станет частью лагеря и будет дискредитировать командирский авторитет, злоупотребляя властью мужа. Валерий не отвечает на этот аргумент Цецины, ответ Валерия содержит лишь идею об устранении женщин от управления делами лагеря: *bella plane accinctis obeunda: sed revertentibus post laborem quod honestius quam uxorium levamentum?* (Тас. Ann. III. 34. 2–3) – «На войну, разумеется, нужно идти только тем, кто способен носить оружие, но есть для возвращающихся после бранных трудов более чистое и добродетельное отдохновение, чем даруемое супругой?» (пер. А.С. Бобовича), где словом *labores* обозначаются ратные дела наместника, а *levamentum*

является эвфемизмом для обозначения сексуального общения.

Видение Цециной провинциальной службы состоит в понимании таковой как ограниченной военным лагерем, что делает присутствие командирских жен и других членов семьи, таким образом, неизбежно деструктивным. Для Цецины территория, подвластная Риму за пределами Италии (в частности Африка), – это *militia* («зона военных действий»). Валерию провинциальная служба представляется более широкой, то есть не связанной лишь с военными делами. Для Валерия, как и для большинства сенаторов, границы Империи достаточно расширились, чтобы считать римской территорией земли не только в пределах Италии (которую Цецина считает единственной территорией, в пределах которой было приличным оставаться его жене – Tac. Ann. III. 34. 1), но и территории провинций. Провинции и располагавшиеся в них войска теперь были обустроены так, что, согласно Валерию, присутствие членов семьи полководца теперь не могло навредить дисциплине и порядку. Это как если бы вернулись времена старой Республики, когда войны, которые вел Рим, были столь близки от дома, что регулярное пребывание воина в семье было правилом. Но ирония состояла в том, что семьи командиров стали допустимым элементом *militiae* именно в связи с фундаментальным изменением смысла *militiae*. В этом суть аргументов Валерия в его ответе Цецине.

Как следует из содержания спора между Цециной и Валерием, речь в них ведется не о присутствии членов командирских семей в лагере вообще, а только о женском *comitatus* наместников и о влиянии этих групп на власть. Это было проявлением тенденции изображать присутствие женщин в лагере – со времен Фульвии и далее – относительно положения их мужей в структуре власти. Женщины аристократического статуса являют собой в лагере угрозу дисциплине ввиду особого характера власти, которой они пользуются фактически. Уровень влияния жен военачальников представляет собой параллель авторитету их мужей, и таким образом Планцина и Агриппина принимают участие в осуществлении командирских обязанностей своих мужей, включая такую обязанность, как подавать пример для подражания. Но в отличие от своих мужей, они не связаны присягой, а их неофициальное положение в лагере могло обернуться бесконтрольным использованием та-

кой власти, которая не подчиняется принятым стандартам военной дисциплины. Если брать шире, здесь в дебатах Цецины – Валерия имеет место беспокойство по поводу надлежащего применения власти в соответствии с военной иерархией: командирские жены своим вмешательством в дела командования диверсифицируют армейскую лояльность, которая по определению должна быть обращена только к субъектам власти, т.е. к императору и государству.

Цецина, возможно, не слишком преувеличивает, когда предполагает, что семейное окружение в итоге установит альтернативную иерархию, которая будет мешать функционированию официальной иерархии: как только женщине разрешают сопровождать ее мужа, отправляющегося в качестве военачальника в провинцию, *duorum egressus coli, duo esse praetoria* (Tac. Ann. III. 33. 4) – «торжественная встреча устраивается обоим (мужу-наместнику и его жене. – С.Т.), существуют два претория (т.е. два штаба – официальный мужа-наместника и неофициальный жены. – С.Т.)» (пер. А.С. Бобовича). Данное позднее по времени беспокойство тем не менее связано с республиканским видением дисциплины как формы разрыва (разумеется, временного и относительного) связей между полководцем и семьей.

И Планцина, и Агриппина берут на себя лидерскую роль в качестве помощниц своих мужей – полководцев, особенно в сфере формирования отношений *comitas*. У Тацита Агриппина представлена возлагающей на себя командование войсками, находящимися в лагере, пока Германик и прочие командиры выступают во главе других отрядов против германцев, перешедших Рейн (Tac. Ann. I. 69). Хотя Агриппина не ведет войско на битву, она явно берет на себя контроль за оставшимися в лагере солдатами, когда ложные слухи о грозящем нападении на лагерь достигают его. Она действует независимо и с достаточной уверенностью, чтобы добиться повиновения, в частности чтобы своим присутствием воспрепятствовать разрушению моста через Рейн: *ac ni Agrippina inpositum Rheno pontem solvi prohibuisset, erant qui id flagitium formidine auderent* (Tac. Ann. I. 69) – «и если бы не вмешательство Агриппины, был бы разобран наведенный на Рейне мост, ибо нашлись такие, которые в страхе были готовы на столь позорное дело» (пер. А.С. Бобовича).

В то время как женщины в лагере обычно изображаются Тацитом как воплощение сил хаоса, деструктивная сила, Агриппина, «женщина великой силы духа» (*femina ingens animi*), успокаивает солдат, поддавшихся страху. Они, а не Агриппина, оказываются во власти неконтролируемых эмоций. Она принимает на себя роль лидера, распределяя между воинами перевязочный материал и одежду в тех случаях, когда солдаты нуждались в этом (Тас. *Ann.* I. 69). Примеры такого образцового поведения полководцев известны: схожим образом ведет себя Папирий Курсор у Ливия (Liv. VIII. 36. 6), у Цицерона – Мурена (Cic. *Mur.* 38); о Тиберии у Веллея Патеркула пишется, что тот не просто заботился о солдатах, но даже предоставлял им свою походную баню (Vell. *Pat.* II. CXIV. 1–2), а Германик сам обходил раненых солдат (Тас. *Ann.* I. 71. 3).

Сын Германика и Агриппины Гай Калигула также представляет собой альтернативный источник власти – тот, который дает его (Калигулы) семье «незаконное» преимущество перед Тиберием, подлинным императором, единственным, кто назначает награды и наказания. Его (маленького Калигулу) родители одевают как солдата, чтобы тем добиться привязанности войска, специфическим образом обеспечивая идентификацию Калигулы с войском. Калигула, как это хорошо известно, получил свое прозвище от войск своего отца Германика потому, что его родители имели привычку одевать сына как рядового воина; *caligula* – это уменьшительная форма слова *caliga*, так называлась солдатская обувь (Тас. *Ann.* I. 41, 69; Suet. *Cal.* 9).

Таким путем Германик демонстрирует свои симпатии по отношению к войску, позволяя своему отпрыску выступать в качестве *commilito*, или соратника, – хорошо известный метод апелляции к эмоциям солдат. Светоний, кстати, сообщает, что Август запретил использование этого слова при обращении к войскам (Suet. *Div. Aug.* 25. 1). Но этот шаг (одевание Калигулы как солдата) позволил Германику продемонстрировать свой отеческий (патриархальный) авторитет по отношению к войску: поскольку Германик отец Гаю Калигуле, то он же и *pater legionem*.

Использование маленького Калигулы в качестве особого приема завоевания лояльности войска было для Тиберия другой частью проблемы. Иной частью была отнюдь не «семейственность» в делах военного командования. Если женщины и дети были средством завое-

вания симпатий солдат, то из этого следовало, что для настоящих полководцев уже не оставалось других средств добиться лояльности солдат. Германик «дошел» до того, что использовал офицерских жен и детей, и прежде всего Агриппину и Калигулу, в то время еще ребенка, чтобы унять солдатский мятеж на рейнской границе (Тас. *Ann.* I. 40. 4). И этот ход в сочетании с исполненной пафоса речью обеспечил Германику успех. Светоний приписывает перемену в настроении мятежных солдат появлению лишь маленького Гаю Калигулы (Suet. *Cal.* 9). Дион Кассий сохранил еще одну версию, согласно которой Гай и Агриппина были взяты солдатами в заложники. По Диону, солдаты отпустили Агриппину, когда поняли, что она беременна, но некоторое время удерживали при себе Гаю Калигулу (Dio. *LVII.* 5. 5–7).

Иначе говоря, в истории развития отношений внутри армейского социума Древнего Рима одним из решающих обстоятельств в формировании особых связей полководца с войском, в складывании специфических, имеющих выход на «римскую идентичность» с ее патриархальными установками, признаков полководческого авторитета мы видим всестороннее влияние как на самого полководца, так и на его воинов, семейного окружения, и прежде всего – полководческих жен. Реакция консерваторов вроде Цецины является тому наглядным примером.

Заключение. Таким образом, при всей несомненной обусловленности полководческого авторитета успешностью действий военачальника в качестве военного лидера и при всей значимости его аристократического статуса, роль семейного окружения едва ли стоит здесь недооценивать: источниковый материал наглядно свидетельствует о прямой зависимости этого авторитета от в своем роде результативного участия в командирских делах семейного окружения полководца, потенциально конкурирующего с императором в праве быть для своих солдат *pater legionem*. Вполне объяснимым в этом случае выглядит то, что императорская власть, как в лице Августа, так на примере Тиберия, все более направленно стремилась ограничить влияние семейного окружения командиров на дела военного командования, неотделимого у римлян от патриархальных представлений, составляющих саму суть «римской идентичности».

Литература

1. Колобов, А.В. Семейное положение римских легионеров в западных провинциях империи при Юлиях – Клавдиях / А.В. Колобов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. – 1990. – № 3. – С. 54–63.
2. Козленко, А.В. Походно-полевые жены римской армии / А.В. Козленко // Scriptorium. – 2010. – № 34. – С. 39–48.
3. Махлаюк, А.В. Духи предков, доблесть и дисциплина: социокультурные и идеологические аспекты античной военной истории в новейшей историографии / А.В. Махлаюк // ВДИ. – 2010. – № 3. – С. 141.
4. Keppie, L. The Making of Roman Army / L. Keppie. – London: New Fetter Lane, 2005. – P. 148.
5. Wells, C. Celibate Soldiers: Augustus and the Army / C. Wells // American Journal of Ancient History. – 1998. – № 14. – P. 180–190.
6. Smith, R.E. The Army Reforms of Septimius Severus / R.E. Smith // Historia. – 1972. – № 21. – P. 494.
7. Phang, S.E. The marriage of Roman soldiers (13 B.C.-A.D. 235): law and family in the imperial army / S.E. Phang. – Leiden: Brill, 2001. – P. 129–132.
8. Raepsaet-Charlier, M.-T. Epouses et Familles de Magistrats dans les Provinces Romaines aux Deux Premiers Sicles de L'Empire / M.-T. Raepsaet-Charlier // Historia. – 1982. – № 31. – P. 56–69.
9. Marshall, A.J. Roman Women and the Provinces / A.J. Marshall // Ancient Society. – 1975. – № 6. – P. 119.
10. Ginsburg, J. In maiores certamina: Past and Present in Tacitus' Annales / J. Ginsburg // Tacitus and the Tacitean Tradition / ed. T.J. Luce and A.J. Woodman. – Princeton, 1993: Princeton University Press. – P. 93.
11. Marshall, A.J. Tacitus and the Governor's Lady: A Note on Annals III. 33–34 / A.J. Marshall // Greece and Rome. – 1975. – № 22. – P. 11.
12. Delia, D. Fulvia Reconsidered / D. Delia // Women's History and Ancient History / ed. S.B. Pomeroy. – Chapel Hill and London: University of North Carolina Press, 1991. – P. 199.

Поступила в редакцию 31.03.2014 г.

Принята в печать 21.07.2014 г.